

ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере

Валерий Созаев

Часть 1. Концептуальные рамки портрета

Позиция автора

Данный текст представляет собой попытку инсайдерского анализа актуального состояния ЛГБТ-движения в России. Поскольку я вовлечён в ЛГБТ-активизм, в той или иной форме, десять лет, описываемая мною реальность носит предельно субъективный характер. Довольно сложно пытаться абстрагироваться и занять отстранённую позицию, находясь в «эпицентре событий». Это положение сближает мой подход с тем, что социолог А.Н. Алексеев назвал «наблюдающим участием».¹

Появление этого текста вызвано моим знакомством со статьёй Игоря Семёновича Кона «Психология социальной инерции», напечатанной в 1988 году в журнале *Коммунист*.² В тексте Игоря Семёновича моё внимание привлёк т.н. «подростковый синдром»: мне показалось, что он имеет самое непосредственное отношение к современному российскому ЛГБТ-движению. Поэтому характеризуя это движение, я буду обращаться к тексту И.С.Кона.

Моя статья не направлена против каких-либо групп ЛГБТ-активистов. «Междоусобные войны» при написании данного текста меня не интересовали. Здесь я пишу о наших общих «болезнях роста», независимо от «цеховой принадлежности», поскольку перед «внешним миром» мы все предстаём единым «ЛГБТ-движением». Тем более что сторонние наблюдатели не знакомы и не интересуются имеющимися между разными группами ЛГБТ-активистов разногласиями. Проблемы, описанные в этом тексте, касаются, как мне кажется, всех групп ЛГБТ-активистов в России. Также я бы хотел поблагодарить всех, кто принял участие в предварительном обсуждении моей статьи. Все неточности, ошибки и заблуждения остаются исключительно на моей совести.

ЛГБТ-Сообщество

В рамках данной работы будут различаться понятия «ЛГБТ-сообщество» и «ЛГБТ-движение». Первая сложность в определении «ЛГБТ-сообщества» заключается в том, что английское понятие «*community*» при переводе на русский язык приобретает множество смысловых оттенков. Это и «общность», и «тождественность интересов», и «группа лиц, живущих в одном месте», и «община»/«землячество», и «группа лиц, занятых в какой-либо области». Для Америки различные «сообщества» (этнические, религиозные, культурные и т.п.) являются основным «строительным материалом» государственности и гражданского общества. Через равное внимание и представленность различных сообществ реализуется главный принцип демократического общества – равенство. Нельзя недооценивать значение сообществ для развития гражданской и политической жизни в американском обществе. В частности известно, что структура движения за гражданские права афро-американцев была перенята из самого афро-американского сообщества: из церквей, колледжей, женских клубов и т.п.

Для России такое понимание «сообщества» непривычно. Максимум, как воспринимается сообщество у нас, – это «кружок по интересам» (ср. «сообщество филателистов»). В то же время, в русском языке есть понятие близкое по значению к американскому пониманию «сообщества» – «община». Но и оно чаще используется либо в историческом (ср. «первобытная община»), либо в религиозном (ср. «христианская община») значении. Немаловажно, что понятия «сообщество» и «община» содержат в себе мысль о том, что составляющие их люди либо локально проживают вместе на одной территории, либо имеют общие цели, задачи и интересы. И здесь начинается вторая сложность. Несмотря на то, что в русском языке, с лёгкой руки переводчиков, уже закрепился (по крайней мере, в определённых кругах) термин «ЛГБТ-сообщество» (иногда «ЛГБТ-община») говорить о ЛГБТ-сообществе в России довольно проблематично, поскольку в России нет традиционных для Америки «*gay village*» (гей-кварталов), т.е. локальных поселений ЛГБТ-граждан.

Кроме того, говорить об общих интересах, целях и задачах ЛГБТ также можно весьма условно. Единственное, что объединяет всех ЛГБТ – это гендерная ненормативность и (зачастую неявная) дискриминация со стороны гетеросексистского общества (которая частью ЛГБТ может не ощущаться и не признаваться). Не в последнюю очередь условность существования ЛГБТ-сообщества в России связана с тем, что за годы советской власти традиция добровольной коллективной солидарности и объединения на местном уровне в форме гражданской активности и политического влияния была утеряна.

Соответственно, под **ЛГБТ-сообществом** в моей статье будет пониматься *размытая в своих границах группа людей, гендерных нонконформистов, чьё по-*

ведение, образ жизни и/или сексуальная ориентация не вписываются в рамки традиционной гетеронормативной модели мира и являются вызовом для гетеросексистской культурной матрицы.

Под упоминаемой в тексте *гетеросексистской культурной матрицей* понимается исторически сконструированная система властных отношений, утверждающая культурное доминирование гетеросексуальности над всеми иными формами сексуальности.

Гетеросексизм определяется как общественная установка, утверждающая что единственной «нормальной», «естественной» и «правильной» сексуальной ориентацией и моделью поведения является гетеросексуальность.

А *гетеронормативность* (нормативно-гетеросексуальная модель) выступает как предписываемый обществом и государством обязательный гетеросексуальный (акцентирующий внимание на репродукции) образ жизни для всех людей.

ЛГБТ-Движение

Под *ЛГБТ-движением* понимается социально-культурное движение за права сексуальных и гендерных меньшинств, которое стремится добиться изменений в законодательстве, обществе и культуре, направленных на обеспечение прав сексуальных и гендерных меньшинств, на искоренение гетеросексизма, гетеронормативности, гомо- и трансфобии. Иными словами, ЛГБТ-движение включает в себя наиболее активную часть ЛГБТ-сообщества, которая кроме опыта общей стигмы и дискриминации имеет общие интересы, цели и задачи по преодолению оных. Немаловажной частью ЛГБТ-движения являются люди, не принадлежащие к ЛГБТ-сообществу, но понимающие важность работы по преодолению гетеронормативности, гетеросексизма и гомо-, трансфобии для всего общества. Иногда эту группу людей называют «дружественные гетеросексуалы» («friendly heterosexuals»).

Типология и классификация ЛГБТ-движения

И.С. Кон характеризует западное ЛГБТ-движение как изначально неоднородное: «Во-первых, это движение за сексуальную свободу, терпимость и признание своего права быть другими. Во-вторых, это политическое движение за осознание себя как социального меньшинства, за равноправие и гражданские права. В-третьих, это идейное движение, выдвигающее определенные принципы социальной организации общества и социально-нравственные ценности. В-четвертых, это особая субкультура, общинная жизнь, стиль жизни, язык,

формы общения, искусство и многое другое. Эти элементы сплошь и рядом не совпадают и соотношение их различно в разных странах и в разные периоды».³

Говоря, о том, что ЛГБТ-движение является «движением за права...», на мой взгляд, важно отметить, что оно, с одной стороны, *не является* политическим движением, а с другой стороны, *не является полностью* правозащитным движением.

В английском языке существует два слова для термина «политика»: *politics* и *policy*. «Термин *politics* обозначает сферу *борьбы за политическую власть* на каком-либо уровне. В политике, которая обозначается словом «*politics*», правозащитники не участвуют».⁴ Это не значит, что отдельные представители или даже целые группы, входящие в ЛГБТ-движение, не могут принимать участие в борьбе за власть. Если это происходит, то они, как правило, участвуют в ней не как ЛГБТ, а как представители разнообразных политических движений, отстаивающие интересы ЛГБТ.

«*Policy*» – это то, что мы называем «*общественной политикой*», точнее, *стратегией* целенаправленных действий. Права человека тоже являются *общественной политикой*, т.е. стратегической последовательностью действий и «политической волей» в направлении эффективного и своевременного выполнения обязательств государства по защите прав человека в отношении своих граждан.⁵ Иными словами, целью правозащитников является не борьба за политическую власть, а защита интересов граждан. При этом политическая власть рассматривается не как враг, которого нужно свергнуть, а как оппонент и/или партнёр для решения общественной проблемы.

В этом смысле ЛГБТ-движение может быть названо «*независимой гражданской инициативой*» (Е. Здравомыслова, Д. Горецкий, А. Юров), т.к. в него входят гражданские группы и гражданские организации, созданные людьми, обладающими «*психологией граждан*». То есть это «люди (граждане), способные образовать «гражданское пространство смыслов и действий» (гражданскую сферу), готовые учитывать не только личный, групповой или корпоративный, но и *общественный интерес*, и – способные действовать для реализации этого общественного интереса (решения общественных проблем), а значит, вызывать глобальные социальные изменения (пусть и на очень локальном уровне), делая ситуацию чуть более справедливой».⁶

Однако деятельность ЛГБТ-движения не ограничивается защитой прав и интересов ЛГБТ-граждан. Деятельность ЛГБТ-движения включает в себя действия, направленные на «искоренение гетеросексизма, гетеронормативности, гомо- и трансфобии». Это работа в сфере ценностей, идеалов, жизненных принципов, психологических установок и т.п., что отражается в дискуссиях, которые ведутся вокруг гомо-, бисексуальности, трансгендерности и положения ЛГБТ в обществе. Эти дискуссии являются частью более широкого дискуссионного поля, которые получили специфичное название «*культурные войны*». Под куль-

турными войнами здесь понимается конфликт между полярными культурными ценностями консерваторов (традиционалистов) и либералов (приверженцев т.н. «прогрессивных взглядов»), который проявляется во всех сферах общественной жизни, но ярче всего в политике.⁷ Как отмечает И.С. Кон, «с самого начала движение геев и лесбиянок имело два крыла – либеральное, ориентированное преимущественно на интеграцию и ассимиляцию геев и лесбиянок в обществе путем уравнивания в правах с представителями гетеросексуального большинства, и леворадикальное, добивающееся разрушения всей системы гендерно-сексуальной стратификации и поддерживающих её институтов».⁸ Поэтому было бы ошибочным ограничивать ЛГБТ-движение исключительно рамками правозащитного движения.

Таким образом, ЛГБТ-движение можно отнести к более широкому классу *социально-культурных движений*. «Под социально-культурным движением понимается единство идеологии и ее сторонников, воплощающих данную идеологию путем практической социально-культурной деятельности»⁹ (А. Карпов) и нацеленное на «установление нового строя жизни» (Г. Блумер). В этом смысле мне ближе определение общественного движения, даваемое А. Туреном, под которым он понимает *конфликтные действия* стремящиеся «изменить отношения социального господства, затрагивающие характер использования главных культурных ресурсов – производства, знания, этических правил».¹⁰ Такое определение мне кажется более удачным, чем иные определения «социальных движений» (Г. Андреева, Э. Гидденс, Е. Здравомыслова, Н. Смелзер, Ч. Тилли, С. Тэрроу, П. Штомпка) по ряду причин. Во-первых, в нем не заостряется внимание на внутреннем единстве всех участников движения. Во-вторых, оно позволяет избежать дискуссии о возможности формально оформленных организаций быть частью движения. В-третьих, такая формулировка позволяет более активно включать в научный анализ нормативно-идеологическую составляющую движения. В-четвертых, такое определение позволяет снять противопоставление между движением и «группой интересов» (С. Тэрроу), которая в данном случае может рассматриваться как часть движения. В то же время для характеристики состояния ЛГБТ-движения в современной России не может быть принято определение «массовое движение» (Д. Ольшанский), поскольку внутри него взгляды на характер и пути решения проблемы, а также на то, что именно является проблемой, весьма различны.

Любое движение является продуктом своего времени. И ЛГБТ-движение в этом смысле не исключение. Однако важно помнить, что «социальные движения являются одновременно продуктом и производителем социальных процессов. Действуя в пределах исторически созданной и относительно стабильной основы, они также активно участвуют в изменении политических взглядов, властных структур и культурных символов».¹¹

Если рассматривать время возникновения ЛГБТ-движения на Западе (1960-70-е гг. 20 в), то его можно отнести к классу «*новых социальных движений*» (С. Бюхлер, М. Майер, Р. Рот, А. Турен, Ю. Хабермас), которые на сегодняшний день в ряде стран уже имеют черты традиционных социальных движений. С одной стороны, ЛГБТ-движение действительно стремится воздействовать на социокультурные нормы и ценности и использует, подчас, нетрадиционные средства борьбы (например, *аутинг*, т.е. широкое разоблачающее обнародование – через СМИ – гомосексуального поведения публичных персон (чаще политиков), которые известны своей публичной гомофобией). С другой стороны, в ЛГБТ-движении есть большие национальные и международные организации, деятельность которых формализована и бюрократизирована (например, *ILGA – International Lesbian and Gay Association*).

Дискуссионным является вопрос о том, можно ли относить ЛГБТ-движение к классу «*городских социальных движений*». Популяризатор данного концепта М. Каstellis исследовал ЛГБТ-движение г. Сан-Франциско, которое смогло обустроить в соответствии со своими культурными ценностями район Кастро, известный как *gay village*. В результате это способствовало развитию ЛГБТ-сообщества, усилению активности ЛГБТ-движения и, в конечном итоге, привело к тому, что оно стало заметной политической силой в местной политике. Однако думается, что такая ситуация характерна именно для США (и, возможно, Канады), в которых, как отмечалось выше, *gay village* являются распространённым явлением в крупных городах. Для Европы и России, в которых феномен *gay village* не имеет распространения, анализ проблем ЛГБТ-движения на основе североамериканского политического опыта, на мой взгляд, не совсем корректен.

Нельзя дать однозначного ответа и на то, к какому классу отнести ЛГБТ-движение. Это связано как с многообразием всевозможных классификаций, так и со сложностью, внутренней противоречивостью самого ЛГБТ-движения. Например, в соответствии с классификацией П. Штомпка, ЛГБТ-движение можно назвать *радикальным, прогрессивным движением, направленным в одно и то же время на преобразование и социальной структуры, и личности*. Радикальным движение является постольку, поскольку оно стремится оказать влияние на все социальные институты, что, безусловно, должно привести к преобразованию «самого общества, а не внутри него». ¹² Прогрессивным – потому что оно хочет «сформировать общество, которое раньше не существовало». ¹³

Движения, направленные на изменения структур считают, что изменение людей будет результатом изменения общественных сфер. В то же время, движения направленные на изменения личности считают, что изменившиеся к лучшему люди будут создавать новое лучшее общество. По мнению П. Штомпка, это два совершенно различных класса движений. Однако в ЛГБТ-движении есть группы как ставящие своей целью изменения структур (например, правозащитные ЛГБТ-

организации), так и группы, ставящие своей целью изменения людей (например, различные психолого-просветительские ЛГБТ-инициативы).

Если воспользоваться классификацией Н. Смелзера,¹⁴ возникает та же ситуация, что и с классификацией П. Штомпка: ЛГБТ-движение нельзя однозначно определить либо как движение «ориентированное на нормы», либо как движение «ориентированное на ценности», поскольку, как было показано выше, ЛГБТ-движение стремится влиять и на социальные нормы, и на культурные ценности.

Также не просто определить место ЛГБТ-движения в классификации Г. Блумера.¹⁵ С одной стороны, ЛГБТ-движение может быть отнесено к классу «общих социальных движений» т.к. оно нацелено на последовательное и всеобъемлющее изменение человеческих ценностей, что сопровождается некоторыми психологическими изменениями, которые в общих чертах «означают, что люди пришли к формированию новых представлений о самих себе, которые не согласуются с их реальным положением в жизни».¹⁶ Однако нельзя сказать, что ЛГБТ-движение полностью неорганизовано, неформально, нескоординировано. Вернее, об этом можно было говорить на ранних стадиях развития ЛГБТ-движения на Западе и, возможно, на нынешнем этапе развития ЛГБТ-движения в России (но это требует специального изучения, которое не выполнялось в рамках написания данной статьи). Эти «общие социальные движения» Блумера можно назвать «культурными течениями» М. Герсковица.

С другой стороны, ЛГБТ-движению свойственны некоторые характеристики, которыми Блумер описывает «специфические социальные движения». «Специфическое социальное движение – это движение, обладающее четко определенной целью, которую оно стремится достичь. В этом усилии оно развивает свою организацию и структуру, что делает его, по существу, обществом. Оно развивает признанное и принятое руководство и определенный членский состав, характеризующийся «Мы-сознанием». Оно формирует некий корпус традиций, некий преобладающий набор ценностей, какую-то философию, определенные наборы правил и совокупность общих экспектаций. Его члены преданны и верны друг другу. Внутри него развивается определенное разделение труда, особенно в форме какой-то социальной структуры, в которой индивиды занимают определенные статусные позиции. Таким образом, индивиды развивают индивидуальности и представления о самих себе, образуя индивидуальный диалог социальной структуры».¹⁷ Описанные характеристики движения возникают в процессе его эволюции, однако, в рамках данной статьи провести анализ развития ЛГБТ-движения в целом не представляется возможным.

Немаловажным является то, что в рамках ЛГБТ-движения существуют различные организации и группы активистов, которые, с точки зрения классификации Блумера, могут быть отнесены как к реформистским специфическим социальным движениям, так и к революционным. «Реформистское движение

стремится изменить какую-либо специфическую фазу или ограниченную область существующего социального строя; оно может стремиться, например, к упразднению детского труда или запрещению потребления алкоголя. У революционного движения более емкая цель: оно стремится перестроить весь социальный строй в целом».¹⁸ Детальный анализ целей ЛГБТ-движения важен, но выходит за рамки моей статьи.

По методам работы ЛГБТ-движение также не однородно. С одной стороны, основная масса современных организаций и инициатив декларирует приверженность ненасильственным тактикам (восходящим к учениям Л.Толстого, М. Ганди и М.Л.Кинга). С другой стороны, главным поворотным пунктом в истории ЛГБТ-движения принято считать т.н. «Стоуноллские бунты» 1969 года – восстание против полицейского произвола по отношению к гомосексуалам в Нью-Йорке, которое сопровождалось применением насилия с обеих сторон. После этого события наблюдалась известная радикализация методов борьбы организаций, групп и инициатив, включённых в ЛГБТ-движение, а так же их некоторое сближение с *Чёрными пантерами*, которые выступали за вооружённое сопротивление расовой дискриминации.¹⁹

Говоря о зоне распространения ЛГБТ-движения, можно выделить четыре уровня: *глобальный, региональный, национальный и локальный*. На глобальном уровне ЛГБТ-движение объединяется в несколько крупных организаций (*ILGA, InterPride, IGLYO* и др.) и ряд не очень крупных международных организаций. Региональные организации объединяют ЛГБТ-организации и инициативы больших регионов, например Азиатско-Тихоокеанского, Европы, Африки, Южной Америки, Северной Америки. Национальный уровень ЛГБТ-движения – это как большие национальные организации в конкретных странах, так и ассоциации, объединяющие различные организации в рамках одного государства. Локальный уровень ЛГБТ-движения – это уровень местных организаций и инициатив.

Таким образом, ЛГБТ-движение можно отнести к классу *сложных многоуровневых* социально-культурных движений.

Иногда используется термин «*ЛГБТ-активизм*», под которым понимается **активное участие в деятельности ЛГБТ-движения**. Соответственно, ЛГБТ-активисты – это люди, принимающие активное участие в деятельности ЛГБТ-движения. Среди ЛГБТ-активистов могут быть как непосредственно ЛГБТ, так и дружественные гетеросексуалы.

ЛГБ и Т в движении

Несмотря на то, что я использую понятие «ЛГБТ-движение», т.е. «лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры», мой анализ преимущественно направлен на состояние ЛГБ-активизма, поскольку трансгендерное²⁰ (в первую

очередь, транссексуальное) сообщество России, в силу различных факторов, ещё практически не представлено на сцене социальных движений. В целом данная ситуация повторяет историю развития ЛГБТ-движения на Западе, где первоначально мобилизовалось именно ЛГБ-сообщество и уже позже к нему присоединились представители Т-сообщества. По этой же причине я использую понятие «гомофобия» и «внутренняя гомофобия» без упоминания понятий «трансфобия» и «внутренняя трансфобия».

Гомофобия, гомонегативизм, гетерофобия, внутренняя гомофобия, камин-аут

И для активизма и для академических исследований интересна разница между гомофобией и гомонегативизмом. В целом я придерживаюсь мнения ряда авторов разделяющих данные понятия (Д. Дейвис, М. Бейлькейн), хотя для данного текста разница между ними не принципиальна. Напомню, что под *гомофобией* понимается иррациональный страх или другие отрицательные эмоции по отношению к гомосексуалам и гомосексуальности, а *гомонегативизм* – это рационализация гомофобии, интеллектуальное неприятие гомосексуалов и гомосексуальности. Истоки как гомофобии, так и гомонегативизма коренятся в гетеросексистской культурной матрице и предписываемой гетеронормативной модели мира.

Гомофобия, гомонегативизм и гетеросексизм находят своё отражение в идеологии и практике такого интересного феномена, как «*антигомосексуальное движение*». Это движение носит характер *контрдвижения* и появилось в пике ЛГБТ-движению. Основное ядро данного движения находится в США, его основу составляют «правые» христианские фундаменталисты и консерваторы, выступающие с лозунгами «защиты семейных ценностей», «возрождение морали и нравственности», «борьбы с вырождением». Постепенно данная идеология распространяется и в постсоветских странах, например в Украине активно действует официально зарегистрированная организация *Любовь против гомосексуализма*, риторика и действия которой полностью копирует американские аналоги. В этой связи возникает необходимость анализа противо/взаимодействия ЛГБТ-движения и антигомосексуального движения и того, как это противодействие влияет на каждое из этих движений. Однако пока этот анализ останется за скобками моего текста.

Отражением гомофобии и гомонегативизма является *гетерофобия* – отрицательные эмоции, которые могут испытывать представители ЛГБТ-сообщества по отношению гетеросексуалам. Гетерофобия может проявляться в нежелании любой коммуникации с гетеросексуалами, самоизоляции, что так же, безусловно,

влияет на уровень активности ЛГБТ-граждан и тех целях, которые декларируются ЛГБТ-активистами.

Для понимания актуальной ситуации ЛГБТ-движения имеет важное значение понятие «*внутренняя гомофобия*» (интернализированная гомофобия), т.е. осознаваемое или неосознаваемое отвращение и/или страх гомосексуалов и бисексуалов к гомосексуальности, к себе; страх перед собственным возможным гомосексуальным поведением или неприятие себя в качестве гомосексуальной личности. Подробнее различные аспекты внутренней гомофобии обсуждаются в статье Д. Дейвиса «Гомофобии и гетеросексизм».²¹

Все вышеперечисленные явления отражаются на таком важном процессе для ЛГБТ как камин-аут, который, по сути, может восприниматься как акт индивидуального активизма. Камин-аут (англ. *coming out* – «раскрытие», «выход») – дословно «выход вовне», обозначает процесс открытия окружающим людям своей гомо-, бисексуальности или трансгендерности. Это явление имеет значение как для личностного жизненного благополучия отдельных ЛГБТ, так и в целом для благополучия всего ЛГБТ-сообщества, а так же активности ЛГБТ-движения.

Социальная инерция

Как отмечалось в самом начале, мои рассуждения являются продуктом рефлексии над текстом И.С.Кона, в котором ключевым понятием является «социальная инерция». «Инерция – естественный спутник как движения, так и покоя. В отличие от торможения, направленного на замедление *уже существующего движения* и требующего специальных усилий, инерция просто сама собой, автоматически, *продолжает старый процесс*».²² Иными словами, инерция проявляется во всех сферах социокультурной жизни. Относиться к этому феномену можно по-разному. Я же стою на позиции, что инерция выступает тормозом общественного развития. Социальная инертность – существенный фактор, помогающий концептуализировать российское ЛГБТ-сообщество сегодня.

Часть 2. ЛГБТ-движение: российский путь

Три волны ЛГБТ-активизма в России

Однако Москва – не Сан-Франциско.

И.С. Кон

Являясь частью международного ЛГБТ-движения, российское движение имеет собственную историю и собственный вектор развития. Поэтому законо-

мерно, что ступень, на которой оно находится в настоящий момент, не совпадает с теми ступенями, на которых стоят ЛГБТ-движения других стран. Российское ЛГБТ-движение очень молодо. Если вспоминать об активистах «первой волны» (90е гг. 20 века), то движению около 20 лет. Однако «первая волна» как быстро «накатила», так же быстро и «откатила». Анализ деятельности активистов 90-х годов и их вклада в дело реальной эмансипации ЛГБТ ещё ждёт своих исследователей: единственным системным изложением истории данного периода является раздел в книге И.С.Кона *Лики и маски однополый любви*.²³

С моей точки зрения, «вторая волна» активизма началась в конце 90-х гг. (с возникновения интернет-ресурса *www.gay.ru*). Этот этап я бы назвал «Интернет-активизмом», поскольку основная активность ЛГБТ-сообщества (за исключением ночных клубов) сводилась в то время к формированию сетевого ЛГБТ-дискурса. Тогда существовало относительно большое количество качественных (по тем временам) и регулярно обновляющихся ресурсов, таких как уже упоминавшийся *gay.ru* и сайты-спутники *lesbi.ru* (позже *lesbiry.com*), *queerumir.ru*, *gayclub.ru* и ряд других. Шло активное общение в форумах. На 2005-2006 гг. приходится пик «Интернет-активизма» и его переход в новую стадию.

«Третья волна» ЛГБТ-активизма началась в конце 2005 – начале 2006 года. Она связана с более активными действиями ЛГБТ-активистов в реальном мире при продолжении развития виртуального ЛГБТ-дискурса. В первую очередь «третья» волна связана с деятельностью двух больших инициатив: проекта *GayRussia*, основным фокусом которого является проведение «Московского гей-парада» и деятельности *Российской ЛГБТ-Сети*, которая занимается более широким спектром вопросов, от просвещения до уличных акций. На развитие интернет-ЛГБТ-дискурса неопределимое влияние оказало сообщество в Живом Журнале *АнтиДогма* (*anti-dogma.info*), включающее в настоящее время свыше 1800 подписчиков, и которое может рассматриваться в качестве альтернативы отсутствующим в России печатным ЛГБТ-СМИ, которые бы поднимали серьёзные и важные темы (существующие «гламурные» издания *Квир* (для геев) и *Pinx* (для лесбиянок), в качестве «серьёзных» мною не рассматриваются).

К сожалению, до сих пор совершенно не оценено и не изучено место российских ВИЧ/СПИД-сервисных организаций не только в развитии ЛГБТ-активизма, но и в целом в формировании ЛГБТ-сообщества и дружественного окружения.

Каждая «волна» активизма «уносила» прежних и «приносила» новых деятелей. Очень немногие из современных активистов могут рассказать о своей причастности «первой» или хотя бы «второй» волне. Вероятно, это естественный процесс, поскольку каждая волна активизма – это определённый тип социального поведения.

ЛГБТ-активисты и социокультурный контекст

Социальное поведение можно оценивать количественно – по уровню социальной активности людей, и качественно – по характеру и направленности этой активности, которая может быть созидательной или разрушительной, сознательной или стихийной и т.д. И то, и другое зависит, во-первых, от социальной структуры общества; во-вторых, от его нормативной культуры и ценностных ориентаций, включая нормативный канон человека, представления, каким он должен или не должен быть; и в-третьих, от установок, стиля мышления и самосознания конкретных эмпирических индивидов.

И.С. Кон.

Рассмотрим характеристики «конкретных эмпирических индивидов» вовлечённых в деятельность ЛГБТ-движения. Поскольку специального исследования не проводилось, то здесь я опираюсь исключительно на личный опыт общения с ЛГБТ-активистами. Итак, ЛГБТ-активисты сегодня – это преимущественно парни и девушки до 35 лет, либо люди немногим старше 35, чьё взросление и становление личности пришлось на 90-е годы XX века. Это, по словам Игоря Кочеткова (Петрова), «поколение, которое выросло без статьи» (имеется в виду отменённая, в 1993 году (в РФ), 121 статья Уголовного Кодекса РСФСР, которая предусматривала уголовное наказание за добровольные сексуальные отношения между совершеннолетними мужчинами). Весьма показательным является то, что люди, чья юность приходится на 2000-е, подчас даже не знают о существовании той самой пресловутой статьи.

Итак, с одной стороны, в 1993 году было отменено уголовное преследование геев, СМИ стали открыто говорить о гомосексуальности, в некоторых школах даже были эксперименты по внедрению «сексуального просвещения». При этом для большинства взрослеющих в этот период подростков информация о гомосексуальности и трансгендерности всё-таки была в большей мере стереотипной, а современное научное знание по этому вопросу оставалось малодоступным. В конце 90-х гг. опросы общественного мнения зафиксировали рост толерантности по отношению к геям и лесбиянкам в российском обществе.²⁴ Однако признание гомосексуальности в качестве нормы сексуального поведения в России не произошло до сих пор: позиция российской психиатрии является гетеросексистской и демонстрирует яркие образцы гетеронормативной риторики.²⁵ Иными словами, формирование образа «Я» молодых представителей ЛГБТ-сообщества в данный

период проходит в рамках гетеросексистской культурной матрицы, которая поддерживается гетеронормативностью государства российского.

Несмотря на гетеросексизм и гетеронормативность, можно говорить о том, что в 90-е гг. произошёл прорыв «сексуальной революции» в российском обществе. Это становится очевидным если сравнить, например, российскую музыкальную культуру 90-х и современности: современная музыкальная культура старается подальше держаться от «голубой темы», в то время как в 90-е годы использование намёков на однополую любовь или откровенно гомосексуальные образы были, в общем-то, не такой уж и редкостью на российской сцене. В этой связи можно вспомнить такие проекты как Фрида, Линда, Колибри, Гости из будущего, ДиДжея Грува, Тату и др. Как бы ни относились к Б.Моисееву, но его камин-аут был первым и до сих пор единственным на российской эстраде. Кроме того, можно вспомнить особую любовь, которой пользовалась в России Шведская группа *Army of lovers*, которая активно использовала в своём творчестве гендерный перформанс.

Либерализация 90-х гг. касалась не только вопросов сексуальности, но и многого другого, что не могло не оказать влияния на формирование взрослеющей в то время ЛГБТ-молодёжи. При этом кроме либерализации в стране проходила масса других событий, которые также в большей или меньше степени оставляли свои отпечатки на людях.

«Советизированность» сознания современного ЛГБТ-сообщества

Снижая уровень своих социальных притязаний до минимума, он (человек) ищет каких-то других путей самореализации. У одних это будут экзотические духовные поиски или увлечения, восточный мистицизм или просто хобби. У других – примитивный вещизм: дача, видеотехника и т.п. И хотя эти пути принципиально различны, их роднит одна общая черта: философия ухода, бегства от действительности, поиск самореализации не на путях общественных преобразований, а в стороне от них. И когда сейчас обновляющееся общество взывает к социальной активности, оно нередко слышит в ответ: а зачем мне это нужно? Мне и так хорошо. И даже если на самом деле плохо, лучше обходиться малым, чем прилагать усилия.

И.С. Кон

Хотим мы того или не хотим, но нам следует признать, что сознание большинства представителей ЛГБТ-сообщества «советизировано», т.е. укоренено в культурных и идеологических ценностях и паттернах поведения, характерных для Советского Союза, которые, не смотря на более позднюю деконструкцию, до конца так и не были вытеснены. Многие из молодых ЛГБТ успели побывать октябрятами, а кто-то и пионерами, они учились ещё в советской школе, по советским учебникам даже тогда, когда Советского Союза формально уже не стало. К особенностям советской системы относят обезличенность общественной жизни, гипертрофированное чувство собственного бессилия и социальную апатию. Безусловно, молодёжь 90-х, когда была детьми 80-х, успела в себя эти особенности «впитать». Это может быть одним из возможных ответов на вопрос: почему современное ЛГБТ-сообщество в основной своей массе бездействует и не поддерживает ЛГБТ-активистов?

Взрослея в 90-е годы мы, вместе с нашими родителями, пережили вначале радость и воодушевление, а затем и глубокое разочарование от того, что произошло в стране. И 2000-е только подтвердили правоту нашего разочарования. Основная масса современных 25-35-летних не верит в реальность социальных преобразований и «основные демократические институты», например, такие как выборы.

В этом и заключается процесс социальной инерции, которому подвержено всё современное российское общество. Наиболее ярко это проявляется в так называемой «консервативной контрреформации» (или, в другой терминологии, «консервативной модернизации»), которая наблюдается во всех сферах жизни нашего общества и в авангарде которой идут РПЦ МП и *Единая Россия*.

Представители ЛГБТ-сообщества, так же как и другие члены российского общества, уже успели убедиться, что и сегодня, как это было в Советском Союзе, индивидуальная инициатива наказуема или превращается в бесполезную и безрезультатную борьбу с бюрократической системой. Поэтому основная масса предпочитает бездействовать в социальной сфере.

В ЛГБТ-сообществе «*философия ухода*» проявляется в вульгарном гедонизме, элитарном эстетстве, гламуре и в том, что раньше называли «внутренней эмиграцией», а теперь – геттоизацией.

Именно в подобной философии ухода и заключается социальная инерция, которая выбирается большей частью ЛГБТ-сообщества как механизм социальной адаптации по отношению к происходящему в современном обществе. В этом смысле молодые представители ЛГБТ-сообщества не оригинальны, а поддерживают широко известную практику поведения, перенятую у собственных родителей и родителей их родителей, а также у старших представителей ЛГБТ-сообщества.

В качестве несколько иного интерпретативного фрейма для объяснения бездействия большей части ЛГБТ-сообщества можно использовать теорию

М. Олсона, которая получила название «проблема безбилетника» (*free-rider problem*). Суть проблемы заключается в том, что силы, которые вкладываются в создание публичных, общественных благ, не окупаются, поскольку вкладываются в это отдельные индивиды и группы, а пользуются ими все. В результате люди думают, что «это сделает кто-то другой», но как следствие, «это» не делает никто. Мне кажется, что данное объяснение вполне вписывается в рамки механизма социальной инерции, поскольку именно инерционность сознания не позволяет людям вырваться из данной логики и объединиться для достижения совместных целей.

Именно отсутствие опыта осознанных коллективных действий, не «из-под палки», а добровольно принимаемых и осознаваемых в качестве действий в собственных интересах тормозит формирование в России гражданских движений (в т.ч. ЛГБТ-движения), которые являются неотъемлемой частью гражданского общества.

Как отмечает Д. Боуз: «В гражданском обществе решения, касающиеся вашей жизни, принимаете вы сами. В политическом обществе эти решения принимают за вас. И поскольку люди, естественно, сопротивляются тому, что жизненно важные вопросы решаются без их участия, политическая система неизбежно основывается на принуждении». ²⁶ Советский человек привык, что решением большинства его проблем занимается государство, а от него самого по сути ничего не зависит.

В некоторых прочитанных мною текстах, описывающих положение ЛГБТ-сообщества в России, встречалась мысль что, сообщество не берёт ответственность за самое себя, позволяя кому-то а) определять своё будущее, б) говорить от своего имени. Иными словами: сообщество пассивно. Пассивность сообщества, с одной стороны, объясняется социальной инерцией, а с другой стороны, безответственностью самого же сообщества. «Безответственностью» в смысле не готовностью или неспособностью взять на себя за самих же себя ответственность. И здесь российское ЛГБТ-сообщество ни чем не отличается от других россиян, а демонстрирует всю ту же социальную инерцию, составной частью которой является и безответственность по отношению к самим себе.

С точки зрения Р. Мертона, наиболее благоприятные условия для возникновения социальных движений складываются в дезорганизованных, нестабильных обществах. К социально-психологическим характеристикам членов этого общества он относит «1) чувство того, что те, кто управляет государством, равнодушны к чувствам и стремлениям его рядовых членов; 2) чувство того, что рядовой член общества не может достичь основных своих целей в обществе, которое видится как непредсказуемое и беспорядочное; 3) общее ощущение тщетности и бесполезности приложения усилий; 4) убеждение в том, что невозможно рассчитывать на какую-либо социальную и психологическую поддержку

со стороны институтов данного общества». ²⁷ На мой взгляд, все характеристики этого списка можно отнести и к основной части ЛГБТ-сообщества.

Осознание механизма действия процесса социальной инерции помогает ответить ещё на один вопрос: почему так мало открытых ЛГБТ в российском обществе? Почему так мало камин-аутов? Безусловно, одним из аспектов отсутствия камин-аутов являются усвоенные с детства гетеросексистские представления ЛГБТ, которые проявляются во внутренней гомофобии. Однако дело не только в ней.

Советская система не поощряла наличие у людей собственного мнения. Все должны были думать и поступать одинаково. Наличие собственной позиции и последовательное её отстаивание было чревато серьёзными неприятностями для человека (включая тюремное заключение). Поэтому большинство людей предпочитало просто отмалчиваться и предвосхищать решение начальства. Интересы личности никого не интересовали, поэтому молчание о собственных интересах и подстраивание себя под общие представления – дело привычное для советского человека. Гетеросексуальное большинство убеждено, что геям и лесбиянкам не нужно открываться. В основе этого убеждения лежат гетеросексизм, гомонегативизм и гомофобия.

Именно из этой логики рождается рационализация нежелания совершать камин-аут: «А кому какое дело до моей личной жизни?», «Моим родственникам и коллегам не нужно об этом знать», «Зачем раздражать большинство, трясти перед ними своим «нижним бельём»?». Если перевести эти аргументы с языка психологической защиты, то мы получим: «Да, я могу пожертвовать честностью и открытостью отношений, ради того, чтобы общение продолжалось и мне не оказаться изгоем». Иными словами, личностный конформизм прячется под маской добродетели и заботе о благе окружающих, либо заботе о конкретных собственных благах, которые могут быть утрачены в случае камин-аута. «Фактически же конформист просто прячется за общее мнение. Он всегда с коллективом только потому, что так спокойнее и безопаснее. Такое спокойствие – род предательства по отношению и к самому себе». ²⁸

Безусловно, давлению общественного мнения, культурных традиций сопротивляться сложно. И говоря о механизмах рационализации нежелания камин-аута, я не осуждаю тех, кто не может его совершить. Я сам довольно долго и мучительно шёл к своему первому камин-ауту. В конце концов, сколько людей, столько и мотивов сделать или не сделать камин-аут.

Если к анализу мотивов не/участия членов ЛГБТ-сообщества в ЛГБТ-движении применять концепцию «рационального выбора», главные положения которой заключаются в том, что «1) акторы преследуют соответствующие цели; 2) эти цели отражают осознанные эгоистические интересы акторов; 3) поведение основывается на сознательном выборе; 4) индивид является основным актором в обществе; 5) акторы обладают приоритетными установками, являющимися

последовательными и устойчивыми; 6) в случае выбора альтернатив акторы выбирают вариант с наивысшей степенью ожидаемой выгоды; 7) акторы владеют определенной информацией как о возможных альтернативах, так и вероятных последствиях их выбора»,²⁹ то можно увидеть, что точки зрения представителей сообщества весьма разнообразны, вплоть до взаимоисключающих, однако одинаково рациональны с позиции тех людей, кто их исповедует.

Большинство и меньшинство: рождение активизма

Люди реагируют на свои расхождения с коллективом по-разному. Один человек старается любой ценой приспособиться, уподобиться прочим. Другой добивается признания равноправия своей позиции с мнением большинства. Третий же идёт на конфликт, добиваясь изменения, перестройки общей ситуации в соответствии со своими убеждениями. Проблема «индивид и группа» превращается в проблему «большинство и меньшинство».

И.С. Кон

Осознание ситуации в качестве *проблемы* и личной *ответственности* за её решение, состояние «*социального беспокойства*» (Я. Щепанский) порождает у индивида желание что-либо изменить. И вопросы сексуальности и гендера не исключение: здесь работают те же самые схемы. При этом неважно, какая проблема лежала в основании: «индивид и группа» или «большинство и меньшинство». Однако для возникновения полноценного гражданского активизма осознание проблемы «большинство и меньшинство» необходимо, поскольку если проблема осознаётся исключительно на личностном уровне, то и её решение остаётся там же. В том случае если проблема начинает мыслиться на другом уровне, то происходит переориентация не только в методах, но и в целях работы, а также в тех ценностях, которые исповедуются. Так рождается любой активизм, в том числе ЛГБТ-активизм.

В России отсутствует устойчивая массовая традиция равенства, верховенства права, прав человека, человеческого достоинства, гражданского общества, коллективного действия и солидарности. Преобладают иные ценности, которые выражаются в высказывании «Бог терпел и нам велел», которое до сих можно услышать из уст россиян. Основная масса россиян просто смиряется с существующим положением вещей.

ЛГБТ-активизм рождается из индивидуального побуждения конкретных людей, которые затем объединяются в коллектив (инициативную группу, ор-

ганизацию), для достижения общих целей. В результате лишь незначительная часть людей приходит к осознанию необходимости борьбы за свои гражданские права. Именно эта часть сообщества берёт на себя *социальную ответственность* (или, если угодно, «гражданскую ответственность»), становится активистами, поскольку этих людей уже не устраивает существующая ситуация. В итоге, эта незначительная группа активистов создаёт идеологию ЛГБТ-движения. Как говорит Смелзер: «Идеология служит своего рода мостом между недовольством и действием. Она придает значимость социальной проблеме, определяет ее и тех, кто несет за нее ответственность. Идеология помогает осмыслить проблему с точки зрения понятий о добре и зле и предлагает руководство к действию для исправления зла».³⁰

Описывая современное российское ЛГБТ-движение, в качестве одной из особенностей мы уже отмечали, что оно не имеет внутреннего единства, и упоминали о существовании нескольких групп активистов, каждая из которых имеет собственную структуру, иерархию и идеологию. Отсутствие единства в идеологии проявляется и в отсутствии единой стратегии движения. Разные группы имеют собственные стратегии для достижения своих целей. Отсюда проистекает неоднозначная оценка тех методов, которыми действуют группы со стороны активистов других групп.

При этом само ЛГБТ-сообщество довольно слабо информировано об идеологии различных групп: программные документы (уставы организаций, стратегии) в том случае если они есть, как правило, широкой массой не читаются, а воспринимаются более простые, популистские тексты. Это выявляет проблему донесения до широких масс ЛГБТ-сообщества того, ради чего действуют ЛГБТ-активисты. Ведь если даже само сообщество, чьи интересы вроде бы, активисты стремятся представлять не информировано и не понимает чего эти активисты хотят, то что можно говорить о более широких слоях общественности и государстве?..

Нельзя сказать, что активисты не предпринимают попыток по донесению своей позиции до сообщества. Интересным примером действий в данном направлении может служить обсуждение Стратегии *Российской ЛГБТ-Сети*, которое было предпринято в ЖЖ-сообществе *АнтиДогма* в 2008 году.³¹

И здесь можно было бы вернуться к вопросу о «пассивности ЛГБТ-сообщества». Действительно ли сообщество пассивно и не готово брать на себя ответственность, как это кому-то кажется? Может быть, пассивность сообщества является результатом отсутствия систематической работы ЛГБТ-активистов по донесению до широких масс сообщества идеологии движения? Донесения до широких масс сообщества тех целей, которые ставит перед собой движение и того, как достижение этих целей будет полезно конкретным представителям сообщества? Может быть, эта неготовность принимать участие в конкретных действиях конкретных активистов просто демонстрирует, что у сообщества

инные потребности и интересы? В любом случае, без крупномасштабного исследования потребностей ЛГБТ-сообщества получить ответы на эти вопросы невозможно...

В результате деятельности ЛГБТ-активистов формируется коллективная идентичность участников движения. По этому поводу А. Мелуччи пишет: «Коллективная идентичность есть процесс обучения, который ведет к формированию и поддержанию единого эмпирического актора, которого мы можем назвать “социальным движением”. Поскольку этот процесс проходит через разные стадии, коллективный актор развивает способность разрешать проблемы, поставленные средой, и становится все более независимым и автономным в своей способности действовать в рамках той структуры отношений, в которую он включен. Процесс коллективной идентичности есть, таким образом, и способность создавать новые определения, интегрируя прошлое и возникающие элементы настоящего в единство и непрерывность коллективного актора».³²

По Мелуччи можно выделить три основных механизма формирования коллективной идентичности: когнитивный процесс, коллективные действия и эмоциональные инвестиции. «Таким образом, политика идентичности приводит к тому, что участники движения носят общее имя, сходным образом понимают свое место в социуме, совершают совместные действия и связываются общими чувствами страдания, ненависти и жертвенного энтузиазма».³³

При этом формирующаяся коллективная идентичность участников ЛГБТ-движения влияет и на формирование идентичности ЛГБТ-сообщества, поскольку члены ЛГБТ-сообщества вынуждены, так или иначе, формулировать своё мнение и отношение относительно деятельности ЛГБТ-активистов. При этом формирующаяся связь индивидов друг с другом способствует возникновению интересубъективности (Э. Гуссерль).

Однако сама по себе формирующаяся идентичность, как уже отмечалось, является результатом деятельности активистов движения. А движение, как отмечает А. Турен, «определяется в целом суммой причин и условий: защитой идентичности, сознанием социального конфликта и призывом к коллективному контролю некоторых культурных ориентаций, всех крупных средств самопроизводства общества».³⁴

Таким образом, происходит формирование не одного, а сразу нескольких субъектов взаимодействия в социокультурном поле: ЛГБТ-движения, ЛГБТ-сообщества, антигомосексуального контрдвижения. В то же время такой субъект как государство не остаётся в стороне от этого процесса, оно тоже подвержено определённого рода трансформациям.

Часть 3. Подростковый синдром ЛГБТ-движения

Подростковое мышление отличается, как известно, неисторичностью, максимализмом и нетерпеливостью. Эти черты сегодня характерны и для многих взрослых.

И.С. Кон

До сих пор мы рассматривали общие вопросы истории, социокультурного контекста и проявление механизма социальной инерции в ЛГБТ-сообществе. В данной части мне бы хотелось остановиться подробнее на анализе коллективного сознания участников ЛГБТ-движения. От состояния коллективного, социального сознания зависит успех или не успех деятельности движения (Н. Смелзер). Коллективное сознание – обязательный элемент коллективной идентичности. По А. Мелуччи «коллективная идентичность как процесс включает *когнитивные определения*, связанные с целями, средствами и полем действия; коллективная идентичность как процесс обращена к сети *активных отношений* между акторами, которые взаимодействуют, вступают в коммуникацию, влияют друг на друга, договариваются и принимают решения; коллективная идентичность никогда не является законченной калькуляцией по принципу затраты-выгоды, она всегда мобилизует эмоции».³⁵

Поэтому, рассматривая характеристики коллективного сознания ЛГБТ-движения, мы не должны забывать о той мотивации, которая привела людей в движение. П. Штомпка говорит о нескольких ведущих мотивах присоединения людей к движению. «Первая волна рекрутирования включает тех, кто наиболее подвержен влиянию условий, против которых направлено движение, кто лучше всех воспринимает его центральную идею, наиболее точно понимает и оценивает (интеллектуально, эмоционально, морально и политически) его причины. Такие люди присоединяются к движению по убеждению, считая, что оно и есть тот инструмент, который необходим для осуществления общественных преобразований. По мере того как движение растет и набирает силу, к нему подключаются те, кто просто ищет смысла в жизни. Нельзя сбрасывать со счетов и кучки циничных критиканов, которые присоединяются к движению в надежде на материальные выгоды в случае его победы. На этой, второй, волне люди вступают в движение скорее из сочувствия, а не по убеждению».³⁶

Разные мотивы присоединения людей к движению приводят к формированию разных видов связей, удерживающих людей в структуре движения. В свою очередь данные разнообразные связи непосредственно влияют и на коллективное сознание и коллективную идентичность членов движения. Однако, не смотря на это, для всех участников движения, на мой взгляд, остаётся характерным быть подверженными механизму социальной инерции, а поскольку движение – это

больше чем просто сумма индивидов, то все негативные аспекты социальной инерции в коллективном сознании участников движения проявляются с большей силой.

Эти негативные проявления механизма социальной инерции в коллективном сознании И.С. Кон называет «*подростковым синдромом*», в котором он выделяет несколько характерных черт: 1) неисторичность («до нас ничего не было...»); 2) максимализм («всё или ничего»); 3) нетерпеливость («результаты – немедленно»); 4) негативизм и нигилизм; 5) деление мира на «своих» и «чужих».

Кроме перечисленных И.С. Коном характеристик «подросткового синдрома» также в нём можно выделить следующие черты: а) невосприимчивость к критике и критиканство; б) самость («сами с усами»); в) нежелание учиться; г) внеконтекстуальность. Эти черты не менее важны для понимания той ситуации, в которой сейчас оказалось ЛГБТ-движение в России, поскольку они также раскрываются в избираемых активистами практиках.

Неисторичность

Инициативы, не вписанные в социально-культурную традицию, неминуемо заглухнут, новаторские предложения окажутся наивными, а потраченное на них время – потерянным. И можно ли говорить о восстановлении исторической памяти, игнорируя вчерашний день? Строить мост из позавчерашнего дня в послезавтрашний, минуя вчера и сегодня?

И.С. Кон

Неисторичность – это проблема не только ЛГБТ-сообщества, но очень многих миноритарных групп, которые долгое время собственной истории были лишены. Это судьба «национальных меньшинств», афро-американцев, женщин. Известный борец за права афро-американцев Малкольм Икс когда-то сказал: «Если мы не отправимся в прошлое и не выясним, как мы дошли до такого состояния, то будем думать, что всегда были в этом состоянии. И если вы думаете, что всегда были в том же положении, что и сейчас, то никогда не сможете быть по-настоящему уверены в себе и превратитесь в ничтожество, почти ничто».³⁷

Интерес Западных исследователей к «истории меньшинств» начинается в 70-е гг. 20 в. Связан он был с развивавшимся гражданским движением за права человека: женским, афро-американским, сексуальных меньшинств. В российской академии такой интерес начал возникать лишь в 90-е гг. 20 в., но в рамках единственного направления – гендерных исследований. О развитии в современной российской науке постколониальных или гейлесбийских исследований

пока говорить не приходится. Нельзя сказать, что в российской академии нет учёных геев и лесбиянок. Однако они предпочитают не браться за исследование «неудобных тем». Понятие «неудобная тема» для исследования – звучит как оксюморон, но, в рамках идеологической цензуры, которая господствовала в СССР и набирает обороты в современной России, всё чаще звучит в частных беседах учёных социогуманитарных специальностей. Геи и лесбиянки с кандидатскими и докторскими степенями по социальным и гуманитарным наукам предпочитают заниматься другими, более безопасными вопросами. И даже если на какой-то кафедре появляется студент/ка или аспирант/ка, готовые заняться лесбигей исследованиями, то, как правило, им настойчиво рекомендуют сменить тему, обращаясь к старому анекдоту про таксиста с риторикой про «шашечки или ехать». И винить наших учёных в этом тоже нельзя – здесь работает всё-тот же механизм социальной инерции.

Из-за отсутствия регулярных исследований об истории ЛГБТ-сообщества, написанных на русском языке, само сообщество утрачивает свою историческую память (вернее оно её просто не имеет). Ведь, с одной стороны, мы почти ничего не знаем о том, как существовали ЛГБТ в России – существующие на данный момент книги В. Кирсанова,³⁸ И.С.Кона,³⁹ Л. Клейна,⁴⁰ Д.Хили,⁴¹ О.Жук,⁴² несмотря на все их заслуги, недостаточны. С другой стороны, мы так же ничего не знаем и об истории ЛГБТ-сообщества на Западе – наблюдается существенный дефицит переводных исследований, а имеющаяся публицистика на эту тему глубоко недостаточна из-за склонности к упрощательству и поверхностности.

Особняком стоит тема истории ЛГБТ-движения. На данный момент нет ни одной русскоязычной книги, которая бы целиком была посвящена этому феномену. Эта ситуация разительно отличается от ситуации, например, в США, где библиография посвящённая истории ЛГБТ-движения, насчитывает сотни книг и где постоянно публикуются новые исследования на эту тему.⁴³ На лицо различия в социальном заказе.

Отсутствие доступной и достоверной информации на эту тему является источником неисторичности современного российского ЛГБТ-движения. Нужно этот факт признать и назвать прямо: большинство современных российских ЛГБТ-активистов исторически безграмотны, их знания не простираются дальше Стоунуоллских бунтов (а есть и такие активисты, которые даже и о Стоунуолле ничего не знают). Отсутствие исторического мышления не позволяет нашим активистам увидеть весь путь, который прошло ЛГБТ-движение Европы и Северной Америки для того, чтобы достичь того, где страны этих континентов оказались сейчас в деле изменения ситуации с положением ЛГБТ-граждан.

С другой стороны, отсутствие исторических знаний используется недобросовестными, экстремистски настроенными группировками для нагнетания напряженности как в целом в обществе, так и в ЛГБТ-сообществе и в среде ЛГБТ-активистов.

ЛГБТ-движение началось отнюдь не в июне 1969 года в Нью-Йорке. Для того чтобы Стоунволл состоялся, другие люди и в другое время приложили огромное количество своих усилий. И эта деятельность подчас не была настолько заметной, как последовавшие за этим массовые акции. Для того чтобы такие массовые акции начали проходить, была необходима предварительная работа. Без понимания этого факта ЛГБТ-активисты оказываются в ловушке собственной безграмотности и недалёковидности.

Максимализм

Нереалистические цели задают масштаб, в котором любые реальные достижения покажутся ничтожными. Но главное даже не в этом. Маниловщина – родная сестра обломовщины. Она стимулирует не деятельность, а имитацию деятельности. Никто не ждёт, что на его запущенном приусадебном участке вместо картошки вырастут бананы, а покосившаяся хибарка превратится в беломраморную виллу с бассейном – тут мы все реалисты. Почему же применительно к общественным делам можно мыслить иначе? Да потому, что самые щедрые на лозунги люди и не собираются ничего делать для их осуществления. Революционная фразеология – всего лишь новая форма старой безответственности.

И.С. Кон

Максимализм – неискоренимая черта юности. Это не плохо и не хорошо – это просто факт. И с этим фактом нужно просто жить. Максимализм подросткового характера проявляется в однобоком восприятии действительности, бескомпромиссности в выборе средств и методов для достижения целей, впадению в крайности, игнорированию полутонов. В максимализме проявляется отсутствие опыта и гибкости мышления.

На индивидуальном уровне это может проявляться в желании эпатировать окружающих, в том числе и своим камин-аутом. Очень многие взрослые ЛГБТ, мягко говоря, относятся с неодобрением к подросткам, которые «тусуются» в Москве на «Пушке», а в Петербурге «на Подкове» и своим поведением, по мнению этих взрослых представителей ЛГБТ-сообщества, дискредитируют всё сообщество в глазах общественности.

На уровне движения срабатывает тот же механизм. Можно сколько угодно провозглашать лозунг «Гей-права без компромиссов» и требовать «здесь и

сейчас» весь «пакет прав для ЛГБТ». Однако важно не забывать размышлять о том, что из этого получится. И стараться разобраться, почему остальная часть сообщества не разделяет эти благородные цели активистов.

Максималист, как правило, не анализирует свои действия в их долгосрочной перспективе. Ему важно действовать «здесь и сейчас», проявить себя, привлечь к себе и своим действиям внимание. Поэтому максималистскому сознанию чужды такие понятия как «стратегия», «отдалённая перспектива» и пр. «Светлое будущее» в сознании максималиста наступит если не сразу, после его действий, то, по крайней мере, завтра. Но всему сообществу, равно как и обществу в целом, слушая красивые слова о «новом лучшем мире» в который мы войдём «завтра» («ведь жизнь то одна») необходимо помнить о том каким образом и за счёт чего это станет возможным (если это вообще возможно в те сроки, которые провозглашаются). Для подросткового максималистского сознания существуют только его собственные потребности и желание самоутвердиться. Эта эгоистичная позиция чревата существенными проблемами для самого максималиста и для окружающих: ведь не случайно смертность и травматизм среди подростков, которые стремятся показать свою «крутизну» довольно высок.

Максимализм опасен тем, что он приводит к экстремизму. Экстремисты были всегда, везде, в любом обществе. Просто к нему предрасположены люди с определённым психотипом личности. В этом смысле ЛГБТ-сообщество опять же ничем не отличается от всего остального общества. Поэтому, ЛГБТ-активистам важно учитывать в своей работе один простой факт: ЛГБТ-экстремизм всегда будет привлекательным для некоторых ЛГБТ-граждан.

Нетерпеливость

... мы хотим увидеть плоды перестройки немедленно. Но именно так рассуждали люди, «назначившие» сроки построения коммунизма применительно к срокам собственной жизни и совершавшие ради этого ошибки, за которые нам ещё долго предстоит расплачиваться. Когда же наконец мы повзрослеем?

И.С. Кон

Подростки хотят получить не только *всё*, но и обязательно *сразу*. Идея постепенного, поэтапного труда органически не уместается в их сознании. Если подростку определяют какой-то срок до получения им желаемой вещи, то это время, как правило, для него растягивается, и ожидание превращается в нестерпимую пытку. Нетерпеливый человек характеризуется лёгкой возбудимостью, резкостью, поверхностностью, раздражительностью, вспыльчивостью, несдер-

жанностью, опрометчивостью. Но этими чертами можно описать и современное российское ЛГБТ-движение.

Психолог Дж. Стивенс неспроста называет нетерпеливость «драконом». Драконом в том смысле, что это мощная сила, которая стремится подчинить себе человека и разрушить его жизнь. Нетерпеливость настраивает человека на то, что если он будет действовать быстрее, то сможет раньше достичь поставленной цели и решить большее количество задач. Но за эту иллюзию приходится дорого платить. «Огонь нетерпеливости пылает в груди у большинства реформистов и революционеров. Они способны проявлять такую нетерпеливость в отношении любых властей, что просто не в состоянии ждать постепенного усовершенствования действующего законодательства и медленного вращения колес бюрократической машины. Они заполняют улицы в маршах протеста и готовы тут же изменить все законы, которые кажутся им несправедливыми... Проявление нетерпеливости почти всегда наносит человеку ответный удар, выражающийся в репрессиях, давлении со стороны администрации или оканчивающийся иным трагическим исходом. Дракон не зря составляет лихо закрученный сценарий; он хочет в полной мере насладиться ходом разыгрываемого спектакля».⁴⁴

Но у нетерпеливости есть и другая сторона. Нетерпеливый человек склонен принимать причину за следствие и придавать значение несущественному. Устремлённость в будущее у нетерпеливого человека настолько высока, что он выдаёт желаемое за действительное, он не хочет дожидаться результатов постепенно развивающегося процесса, при этом склонен «воспринимать событие в будущем как свершившийся факт».

В этом смысле ЛГБТ-активисты ничем не отличаются от подростков, когда говорят о необходимости введения в России «гей-браков» уже «завтра». При этом игнорируется то, что вопрос «гей-браков» не самая актуальная тема для большинства представителей российского ЛГБТ-сообщества. Если завтра в РФ будет принят подобный закон, то очередей в ЗАГС из геев и лесбиянок не выстроится. Наконец, на Западе, прежде чем был поставлен вопрос о «гей-браках», прошёл ни один десяток лет кропотливой работы ЛГБТ-движения по многим другим вопросам. А в ЮАР, где, как известно, однополые браки легализованы, процент бытового гомофобного насилия, убийств и «исправляющих изнасилований» после принятия этого закона совсем не уменьшился.

В этой связи мне вспоминается история другого движения – бостонской Церкви Христа, которую основал Кип МакКин. Целью этой Церкви стала «евангелизация всего населения земли в течение жизни одного поколения». С точки зрения христиан, вполне себе благая цель. Однако её реализация привела к колоссальным злоупотреблениям внутри этой Церкви, результатом которых стали не только негативный имидж этой организации, но и искалеченные жизни многих тысяч людей...

Негативизм и нигилизм

Подростковый синдром содержит изрядную дозу негативизма и нигилизма. Человеку гораздо легче осознать, что ему не нравится, нежели – чего он хочет. Даже само понятие свободы осознаётся сначала в отрицательном аспекте – от чего мы хотим освободиться и только потом в положительном – для чего это нужно. Человеку, который никуда не стремится, свобода не нужна и обременительна. Но выработать конструктивную программу действий гораздо труднее, чем критиковать других или каяться в собственном прошлом.

И.С. Кон

Вполне закономерно, что осознание какой-либо проблемы приводит к желанию от неё избавиться. Осознание проблемы гомофобии приводит к действиям против гомофобии. Осознание проблемы неравноправия приводит к действиям против неравноправия. Осознание проблемы дискриминации приводит к действиям против дискриминации. Кажется, всё логично...

Здесь есть ещё один интересный психологический аспект представленности работы ЛГБТ-активистов в общественном сознании. Как известно общественным сознанием работа *против* чего-то воспринимается намного хуже, чем работа *за* что-то. И это естественно. Ведь если «против» – значит разрушение. А если «за» – значит созидание. И это дополнительный повод для нас задуматься о том, что нам проводить: действия против гомофобии, неравноправия и дискриминации или действия за равноправие ЛГБТ, признание разнообразия и толерантность?..

П. Штомпка пишет: «Морфогенетический потенциал движения проявляется как в разрушительных, так и в созидательных действиях. Обычно для того, чтобы ввести структурные новации, оно должно вначале подорвать или, по крайней мере, ослабить прежние структуры и лишь позднее приступить к созиданию. Однако некоторые движения ограничиваются разрушением, поскольку им недостает творческого потенциала».⁴⁵

Осознание нигилизма и негативизма современного российского ЛГБТ-движения дает повод задуматься о том, есть ли у нас реальная Стратегия действий, и если есть, то какая она. Почему возникающие то там, то тут ЛГБТ-инициативы после пары-тройки *протестных* акций разваливаются, так и не перерастая в серьёзные группы/организации с конструктивными стратегическими целями и планом по достижению этих целей?

И это не праздные вопросы, и не попытка убить «буквой» «дух» движения. Опыт всех успешных социальных и гражданских движений показывает, что без стратегического планирования, сформулированного в позитивных категориях, устремлённых в будущее, движение вперёд невозможно.

Деление мира на «своих» и «чужих»

Окружающий мир кажется тому, кто склонен к такому складу мышления, чрезвычайно опасным, полным потенциальных врагов и злоумышленников. Наивный эгоцентризм мешает ему войти в положение другого, побуждая воспринимать и оценивать остальных людей главным образом с точки зрения их предположительного отношения к нему самому... Собственная, смешанная со страхом агрессивность выдаётся при этом за вынужденную самооборону, оправдывая политический экстремизм, насилие и безответственность.

И.С. Кон

Деление мира на «своих» и «чужих» свойственно не только подросткам. Это общая черта любого авторитарного, догматического мышления. Однако в подростковом возрасте она может проявляться с наибольшей ясностью и жесткостью. Общеизвестен факт, что подростки любят собираться в «стайки», и в этих «стайках» культивируются особые нормы общения, поведения, внешнего вида. С одной стороны, подростковый образ характеризуется ярко выраженным нонконформизмом, протестом против всего остального мира. Но, с другой стороны, подростки же являются ярко выраженными конформистами, когда речь заходит об их группе, «тусовке»: мнение «своих» всегда противопоставляется мнению «чужих». Кроме того, зачастую, применяются двойные стандарты: что можно «своим», того нельзя «чужим» и наоборот.

Думаю, тому, что ЛГБТ-активисты начинают делить мир на «своих» и «чужих» способствует опыт принадлежности к маргинализованному ЛГБТ-сообществу. Хотим того или нет, но в настоящее время ЛГБТ-сообщество является гетто. И этому в немалой степени способствуют установки общественного сознания, загоняющие ЛГБТ в «подполье». Таким образом, вполне естественным становится то, что окружающий ЛГБТ-активистов мир начинает восприниматься ими как враждебный, противостоящий их «священной миссии».

В конечном итоге, подобные установки приводят к формированию среди членов движения гетерофобии, которая довольно широко распространена в

ЛГБТ-сообществе и имеет разные формы. При этом довольно странными выглядят слова о важности социальной интеграции ЛГБТ-сообщества в устах ЛГБТ-активистов, своими действиями и словами порождающими гетерофобию у того же сообщества.

Разжигание гетерофобии и социальная интеграция ЛГБТ-сообщества несовместимы. Для того чтобы ЛГБТ-сообщество могло интегрироваться в общество, необходимо, чтобы у самих ЛГБТ была сформирована собственная устойчивая ЛГБТ-идентичность. Формирование ЛГБТ-идентичности может идти как по позитивному сценарию, так и по негативному. В основе негативного сценария формирования ЛГБТ-идентичности лежит гетерофобия. А в основе позитивного сценария формирования ЛГБТ-идентичности лежит осознание собственной инаковости по отношению к гетеросексуальному обществу, но без ощущения неприязни, презрения или ненависти к нему.

Как отмечает А. Турен, «В сердце всякого общественного движения всегда существует фундаменталистская и коммунитарная тенденция, которая может быть демократическим призывом, направленным от имени этики убеждения против «политизации» действия, но которая может также, действуя более негативно, перевернуть общественное движение и превратить его в секту. Таким образом, еще раз становится очевидна двусмысленность идентичности, могущей одновременно дать жизнь коллективному действию и запереть его в стенах секты».⁴⁶

Подобные механизмы деления мира на «своих» и «чужих» проявляются, в том числе, и в противостоянии между различными группами ЛГБТ-активистов внутри движения. «В такой ситуации каждая группа полагает себя носительницей добродетели и развивает среди своих членов чувства альтруизма, лояльности и верности. Другая группа рассматривается в качестве беспринципной и злонамеренной, подвергающей нападкам те ценности, которые дороги внутренней группе. Перед лицом внешней группы члены внутренней группы не только чувствуют, что они правы и справедливы, но и верят, что несут общую ответственность за защиту и сохранность своих ценностей. Ценность этих внутригрупповых/внегрупповых установок для развития сплоченности в социальном движении достаточно ясна. Вера их членов в то, что движению несправедливо и не по праву противостоят злонамеренные и беспринципные группы, служит сплочению этих членов вокруг своих целей и ценностей. Наличие врага в этом смысле очень важно для придания движению сплоченности. Кроме того, враг играет важную роль “козла отпущения”. Движению выгодно развить образ врага, это развитие обычно происходит спонтанно. Однажды созданный, он содействует установлению *esprit de corps*».⁴⁷

Самость

Переоценка собственных сил наряду с нетерпимостью к критике в свой адрес и критиканством в адрес окружающих – ещё одна важная черта подросткового синдрома ЛГБТ-сообщества в России. Неумение адекватно оценивать собственные силы, не преувеличивая их, но и не преуменьшая – насущная проблема российского ЛГБТ-движения. Без понимания своих сильных и слабых сторон, существующих в связи с этим угроз и возможностей, нельзя эффективно работать по достижению социально значимых целей. И если ЛГБТ-активисты готовы признать, что в чём-то их знаний, умений, навыков, их компетенций недостаточно, то следующим шагом будет научиться обращаться за помощью к тем, кто обладает необходимыми для нашего движения компетенциями.

Нежелание учиться

Без постоянного самообразования гражданский и социальный активизм невозможны – это простая до безобразия и банальная мысль. Однако иногда, наблюдая за некоторыми ЛГБТ-активистами, у меня складывается ощущение, что люди не понимают важности самообразования. В советском фольклоре эта особенность подросткового сознания нашла отражение во фразе «Не хочу учиться, а хочу жениться!».

Сейчас нивелируется ценность чтения книг как одного из главных источников знания. Книги в настоящее время не популярны – везде царят тренинги... Да, я верю в силу тренингов. Да, тренинги необходимы. Но, зачастую, тренинг – это первая ступенька. А дальше целая лестница... И книги в этой лестнице занимают далеко не последнее место.

Поэтому очень важна работа по образованию, просвещению и информированию активистов. Особая важность этой работы проистекает из описания проблемы неисторичности сознания ЛГБТ-активистов. Но обучать необходимо не только специфическим ЛГБТ-темам. Актуальными сферами для просвещения и самообразования ЛГБТ-активистов являются темы по гендерной теории, правозащите и юриспруденции, концепции ненасилия, истории гражданского активизма, менеджменту НКО, адвокации, лоббированию и многие другие. Одним из важнейших аспектов на этом пути является мотивация людей к получению знаний. И, если они захотят, то очень важно научить их эти знания добывать. Увы, это факт: в некоторых регионах, активисты элементарно не умеют эффективно пользоваться Интернет-поиском (а уж о пользовании библиотеками с книгами и говорить не приходится!).

Иными словами, мы, как движение, столкнулись с проблемой, решение которой, по сути, не является нашей функцией. Как сказала одна из гендерных

исследовательниц на презентации книги *Гендер для чайников*: «Проблема России в том, что у нас были просвещённые монархи, но так и не произошло эпохи Просвещения».

Да, в среде ЛГБТ имеются высококлассные эксперты. Но общение и выстраивание отношений ЛГБТ-активистов с экспертами из среды ЛГБТ – отдельный вопрос, который так же требует пристального внимания

Интересным, на мой взгляд, является соотношение между умением самообразовываться с самоуважением и чувством собственного достоинства. Необразованность себя не уважает (либо её уважение деформировано). Самообразовывающийся человек через самообразование возвращает в себе и самоуважение, и чувство собственного достоинства. Очень важным аспектом самообразования является развитие навыков критического мышления. Собственно поэтому все социальные движения стремились обучать группы, с которыми они работали. И именно поэтому государство как репрессивный механизм, через своих акторов, так активно противится неформальному образованию и просвещению.

Внеконтекстуальность

Политик, идеолог, публицист не может не учитывать, как прозвучит данная идея сегодня, в данной ситуации, как она будет воспринята массами, какие побочные следствия она может породить. Неумение сделать это – знак профессиональной непригодности.

И.С. Кон

Понимание насущной ситуации очень важно. Однако при взгляде на методы работы некоторых коллег возникает вопрос: а понимают ли люди, используя конкретные методы, то, где они находятся и ту ситуацию, в которой существует страна?

Непонимание контекста приводит к «бутафорской борьбе в бутафорской демократии», как сказала одна моя знакомая об одном ежегодно повторяющемся мероприятии. И этот факт необходимо признать: в РФ в настоящее время отсутствует полноценный демократический режим и, следовательно, здесь не работают те методы, которые применяются в демократических странах. В условиях «суверенной демократии» российскому ЛГБТ-движению нельзя слепо копировать методы работы наших западных коллег. Нам необходимо их адаптировать, учитывая российскую специфику и реалии.

Это особенно актуально, когда мы говорим о вопросах прав ЛГБТ. Ведь если предпринимаются попытки изменить положение исключительно в юридическом поле (т.е. принятие или отмена каких-либо законов), без привлечения внимания к

ценностным установкам общества, без попыток изменения сознания и культуры, то указанные юридические победы могут оказаться очень хрупкими. И примеры этому есть в нашей собственной российской истории. После революции в СССР была полная декриминализация гомосексуальности, СССР даже входила во Всемирную лигу сексуальных реформ. Однако всё это привело лишь к тому, что с усилением и упрочнением власти Сталина страна вернулась к изначально патриархатным и гетеросексистским стандартам и мужская гомосексуальность снова была объявлена вне закона.

Говоря о ситуации на Западе, А. Джагоз пишет: «Если прежде активисты гей- и лесби-движений настаивали на необходимости радикального пересмотра системы пол/гендер, то сейчас они сконцентрировались на защите равных со всем остальным населением прав для гомосексуалов».⁴⁸ Осмелюсь предположить, что такое положение дел сложилось не на пустом месте. Десятилетия работы гомофильского движения и гей-освободительного движения, так или иначе, смогли трансформировать гендерную систему. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эти социальные изменения сейчас всё активнее закрепляются в законодательствах западных стран.

В России на данный момент ситуация принципиально иная. Если сравнивать с американским обществом, то, на мой взгляд, российское ЛГБТ-движение сейчас находится на уровне 50-х гг. 20 века. С одной стороны, появление организаций, которые занимаются в первую очередь формированием коллективной ЛГБТ-идентичности в сообществе, просвещением сообщества и общества, с другой стороны, крен государственной политики в авторитаризм, в чём могут быть проведены параллели с политикой маккартизма. На этом фоне работа в юридическом поле крайне важна, однако, не стоит игнорировать традицию *правового нигилизма*, который для России является «нормальным состоянием». В этих условиях эффективность подобной работы у меня вызывает большие вопросы.

Думаю, что к данной ситуации можно отнести слова польского социолога П. Штомпка: «движение, которое явно реализовало все свои программные цели, но не использовало все исторические шансы, конкретные исторические обстоятельства, вряд ли можно назвать успешным. Ведь случается и так, что изменения, которые поначалу воспринимаются как несомненные завоевания, вдруг приводят к негативным последствиям, способным перечеркнуть полученные преимущества. В конце концов, то, что удалось завоевать, может быть утрачено в долгосрочной перспективе».⁴⁹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недостаточно провозглашать себя геем,
нужно ещё создавать мир геев.

Мишель Фуко

Западный дискурс феминистских, гендерных и лесбигей исследований в настоящее время переполнен дискуссиями, деконструирующими гомосексуальную идентичность. Пожалуй, первое место в этом процессе занимает Джудит Батлер. И, несмотря на то, что Батлер пишет, будто «деконструкция идентичности не является деконструкцией политики; скорее, она устанавливает в качестве политического любое понятие, через которое артикулируется идентичность»,⁵⁰ довольно много критических голосов заявляют о том, что популяризируемая Батлер квир-теория, во-первых, «де-геевская», а во-вторых, аполитичная.⁵¹

Не вдаваясь в подробности этой интересной дискуссии, отмечу, что, на мой взгляд, для российского ЛГБТ-движения и ЛГБТ-сообщества несколько не актуально экстраполировать эти модные течения постструктуралистской философской мысли в качестве практического руководства к действию. Это связано с тем, что коллективная идентичность ЛГБТ-сообщества и ЛГБТ-движения только формируется, и тот сильный негативный заряд, который содержится в квир-теории, совсем не будет способствовать этому процессу, а скорее наоборот. На российской почве это может привести лишь к ещё большей гражданской пассивности сообщества и его нежеланию принимать участие в практиках коллективных действий направленных на достижение ЛГБТ-эмансипации.

Со времени работы Фуко стало ясно, что сексуальность является продуктом дискурса и власти. При этом власть всегда рассматривается как то, чему необходимо противостоять, то с чем необходимо бороться. Однако, как уже отмечалось, для движения, которое не стремится к политической власти, борьба с теми силами, которые политическую власть олицетворяют – является лишней тратой сил. Политическая власть рассматривается таким движением как оппонент, а в потенциале, как партнёр. Поэтому для такого движения актуальным становится борьба не с политической властью, а с властью в форме господствующих культурных норм, ценностей, установок и паттернов поведения. Иными словами, борьба с доминирующей культурной системой, которую необходимо трансформировать с целью включения в неё всех ранее исключённых голосов. А это уже вопрос о стратегии и тактике ЛГБТ-движения, который не может быть рассмотрен в рамках данной статьи.

Настоящая статья была посвящена анализу действия механизма социальной инерции в современном российском ЛГБТ-движении. Ведь не смотря на то, что в России уже действительно выросло не одно поколение ЛГБТ «без статьи», всё равно мы все ещё являемся наследниками советской системы. В этой

связи вспоминается история исхода еврейского народа из египетского рабства. Сорок лет Господь водил свой народ по пустыне. Сорок лет – до тех пор, пока последний человек, рождённый в рабстве, не умер. И только после этого народ израильский смог войти в Землю обетованную...

Мне бы очень хотелось быть оптимистичным и надеяться, что российскому ЛГБТ-сообществу не понадобится сорок лет для того, чтобы войти в свою «Землю обетованную». С другой стороны, сейчас прошло уже почти двадцать лет с 1993 года, и то, где мы находимся сегодня, все прекрасно видят. Однако, я не возьмусь предсказывать тенденции развития на следующие 20 лет. Просто я не могу игнорировать ни социокультурную динамику, ни психологические механизмы социальной инерции в своей работе. И могу только желать, чтобы и мои коллеги их не игнорировали.

-
- 1 С методом «наблюдающего участия» А.Н. Алексеева можно ознакомиться в его книге: А.Н. Алексеев, *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. В 4-х т (Санкт-Петербург: Норма, 2003-2005). Электронный вариант в интернет-доступе: <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html> Доступно на 31.05.2010 г.
  - 2 Цитаты из статьи приводятся по изданию: И. С. Кон, «Психология социальной инерции», *Социологическая психология* (Москва: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999), с. 399 – 417.
  - 3 И.С. Кон, *Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре* (Москва: Олимп, АСТ, 2003), с. 292.
  - 4 *Курс «Права человека»: учеб. пособие для сотрудников аппаратов уполномоченных и комис. по правам человека в РФ*, авт.-сост. Н. Таганкина, А. Юров, И.Сажин и др. (Москва: Московская Хельсинкская Группа, 2005), с. 21.
  - 5 Там же, с. 20-21.
  - 6 Д. Горецкий, А. Юров, «COSMOS CIVILIS, или Гражданские группы и гражданские организации», *Журнал Индекс/Досье на цензуру*, № 29, 2009. Документ Сети Интернет: <http://www.index.org.ru/journal/29/04-jurov.html> Доступен на 10.05.2010.
  - 7 В качестве примеров исследований «культурных войн» можно привести следующие: J.D. Hunter, *Culture Wars: The Struggle to Define America* (New York: Basic Books, 1991); J.D. Hunter, *Is There a Culture War?: A Dialogue on Values And American Public Life* (Brookings Institution Press, 2006); M. McGough, *A Field Guide to the Culture Wars: The Battle over Values from the Campaign Trail to the Classroom (Religion, Politics, and Public Life Under the auspices of the Leonard E. Greenb)* (Praeger, 2008); D. McKnight, *Beyond Right and Left: New politics and the culture wars* (Allen & Unwin Pty LTD, 2005);

- I.T. Thomson, *Culture Wars and Enduring American Dilemmas (Contemporary Political and Social Issues)* (University of Michigan Press, 2010); A.K. Webb, *Beyond the Global Culture War* (Routledge, 2006); J. Zimmerman, *Whose America? Culture Wars in the Public Schools* (Harvard University Press, 2002).
- 8 И.С. Кон, *Лику и маски...* с. 294.
  - 9 А.В. Карпов, «Категория «социально-культурное движение» в исторической культурологии», *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М.С. Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12.* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001), с. 51.
  - 10 А. Турен, *Возвращение человека действующего. Очерк социологии* (Москва: Научный мир, 1998), с.56.
  - 11 D. Rucht, “Themes, logics, and arenas of social movements: a structural approach”, *International Social Movement Research*, vol. 1, 1988, pp. 305-328. Цит. по: П. Штомпка *Социология социальных изменений* (Москва: Аспект Пресс, 1996), с. 341.
  - 12 П. Штомпка, *Социология социальных изменений*, с. 345.
  - 13 Там же, с. 346.
  - 14 N. J Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York: Free Press, 1962).
  - 15 Г. Блумер, «Коллективное поведение», *Американская социологическая мысль: Тексты*, под ред. В.И. Добренкова (Москва: Изд-во МГУ, 1994), с. 90-115. Документ Сети Интернет: http://www.i-u.ru/biblio/archive/blumer_theorii/ Доступно на 22 апреля 2010.
  - 16 Там же.
  - 17 Там же.
  - 18 Там же.
  - 19 D.Eisenbach, *Cay Power: An American Revolution* (New York: Carroll & Graf Publishers, 2006).
  - 20 Трансгендеры, трансгендерность – «зонтичный», собирательный термин обозначающий несовпадение гендера и биологического пола. К трансгендерам принято относить агендеров, бигендеров, гендерквиров, интерсексуалов, кроссдрессеров, трансвеститов, транссексуалов.

- 21 Д. Дэйвис, «Гомофобия и гетеросексизм», *Розовая психотерапия: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами*, под ред. Д. Дэйвиса, Ч. Нила (Санкт-Петербург: Питер, 2001), с. 87-122.
- 22 И.С. Кон, *Психология социальной инерции...* с.400.
- 23 См.: И.С. Кон, *Лики и маски...* Раздел «Общественно-политическая активность геев и лесбиянок», с. 367 – 373.
- 24 См.: И.С. Кон, *Лики и маски...* Раздел «Состояние общественного сознания», с. 362-366.
- 25 В частности в *Приказе Министерства здравоохранения РФ №311 от 06.08.99*, в разделе F65 «Расстройства сексуального предпочтения», говорится: «Критериями сексуальной **нормы** являются: парность, **гетеросексуальность**, половозрелость партнеров, добровольность связи, стремление к обоюдному согласию, отсутствие физического и морального ущерба здоровью партнеров и других лиц. Расстройство сексуального предпочтения означает всякое отклонение от нормы в сексуальном поведении, независимо от его проявлений и характера, степени выраженности и этиологических факторов. Это понятие включает как расстройства в смысле отклонения от **социальных норм**, так и от норм медицинских» (*выделение моё – В.С.*).
- 26 Д. Боуз, *Либертарианство: История, принципы, политика* (Челябинск, 2004), с.18.
- 27 С.С. Фролов, *Социология: Учебник для вузов* (Москва: Наука, 1994), с. 204.
- 28 И.С. Кон, *Психология социальной инерции...* с.404-405.
- 29 К.Р. Monroe, “The Theory of Rational Action: What is it? How Useful is it for Political Science?”, *Political Science: Looking to the Future*. Vol. 1. The Theory and Practice of Political Science. / Ed. by Crotty B. Evanston, 1991. P. 78. Цит. по: А.А. Дегтярев, *Основы политической теории. Учеб. пособие* (Москва: Высшая школа, 1998).
- 30 Н. Смелзер, *Социология*. Электронная библиотека журнала *Скепсис*. Документ Сети Интернет: http://www.scepsis.ru/library/id_640.html Доступно на 22 апреля 2010 г.
- 31 Ознакомиться с этим обсуждением можно здесь: http://community.livejournal.com/ru_antidogma/207461.html
- 32 А. Melucci, *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age* (Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1996), p. 75. Цит. по: Г. Миненков, *Концепт идентичности: перспективы определения*. Документ Сети Интернет: <http://www.belintellectuals.eu/publications/169/> Доступно на 22 апреля 2010.

- 33 Е. Здравомыслова, «Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга»», *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. Сборник статей. 80-ти летию нашего учителя Владимира Александровича Ядова посвящается* (Москва, 2009), с.120-136.
- 34 А. Турен, *Возвращение человека действующего...*, с.104.
- 35 Г. Миненков, *Концепт идентичности: перспективы определения* / Документ Сети Интернет: <http://www.belintellectuals.eu/publications/169/> Доступно на 22 апреля 2010.
- 36 П. Штомпка, *Социология социальных изменений...*, с.352.
- 37 Х. Malcolm, *On Afro-American History, Pathfinder*, 1990, p. 12. Цит. по: Д. Тош, *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка* (Москва: Весь мир, 2000), с. 14.
- 38 В. Кирсанов, *69. Русские геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы* (Тверь: Ганимед, 2005), 584 с.; В. Кирсанов, *+31. Русские геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы* (Москва: ООО «Квир», 2007), 225 с.
- 39 И.С. Кон, *Лики и маски однополрой любви*.
- 40 Л.С. Клейн, *Другая любовь* (Москва: Фолио-пресс, 2000), 864 с.; Л.С. Клейн, *Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Российское созвездие* (Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2002), 656 с.
- 41 Д. Хили, *Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства* (Москва: Ладомир, 2008), 620 с.
- 42 О. Жук, *Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России. XX век* (Москва: Глагол, 1998), 135 с.
- 43 В качестве примеров публикаций посвящённых истории ЛГБТ-движения на Западе можно упомянуть следующие: В.Д. Adam, *The Global Emergence of Gay and Lesbian Politics: National Imprints of a Worldwide Movement* (Temple University Press, U.S. 1998), 392 p.; В.Д. Adam, *The Rise of a Gay and Lesbian Movement* (Twayne Publishers Inc., U.S. 1995), 221 p.; М. Cruikshank, *The Gay and Lesbian Liberation Movement (Revolutionary Thought and Radical Movements)* (Routledge. 1992), 256 p.; J. Dececco, V.L. Bullough, *Before Stonewall: Activists for Gay and Lesbian Rights in Historical Context* (Routledge. 2002), 464 p.; J. D'Emilio, *Making Trouble: Essays on Gay History, Politics, and the University* (Routledge. 1992), 336 p.; J. D'Emilio, *Sexual Politics, Sexual Communities. The Making of a Homosexual Minority in the United States, 1940-1970* (University Of Chicago Press; 1983), 257 p.; J. D'Emilio, *The World Turned: Essays on Gay History, Politics, and Culture* (Duke University Press. 2002), 280 p.; D. Eisenbach, *Gay Power: An American Revolution* (Da Capo Press. 2007), 416 p.; S.M. Engel, *The Unfinished Revolution. Social*

- Movement Theory and the Gay and Lesbian Movement* (Cambridge University Press, 2001), 254 p.; H. Hay, *Radically Gay: Gay Liberation in the Words of Its Founder* (Beacon Press, 1997), 384 p.; J. Lauritsen, D. Thorstad, *The Early Homosexual Rights Movement: (1864-1935)* (Times Change Pr. 1995), 121 p.; W. D. Legg (ed), *Homophile Studies in Theory and Practice* (GLB Publishers. 1994), 464 p.; E. Marcus, *Making Gay History: The Half Century Fight for Lesbian and Gay Equal Rights* (Harper Paperbacks. 2002), 496 p.; F.P. Miller, A.F. Vandome, J. McBrewster, *LGBT Movements in the United States* (VDM Publishing House, 2009), 240 p.; C.A. Rimmerman, *From Identity to Politics: The Lesbian and Gay Movements in the United States.* (Temple University Press, U.S. 2001), 239 p.; C.A. Rimmerman, *The Lesbian and Gay Movements: Assimilation or Liberation?* (Westview Press Inc. 2005), 216 p.; R. Shilts, *The Mayor of Castro Street: The Life and Times of Harvey Milk* (St. Martin's Griffin. 2008), 400 p.; S. Wolf, *Sexuality and Socialism: History, Politics, and Theory of LGBT Liberation* (Haymarket Books. 2009), 240 p.
- 44 Дж. Стивенс, *Приручи своих драконов. Как обратить свои недостатки в достоинства* (Санкт-Петербург: Питер Пресс, 1995), 480 с. / Документ Сети Интернет: http://www.infotrek.ru/balnok/dragons_32.html Доступно на 22 апреля 2010.
- 45 П. Штомпка, *Социология социальных изменений...* с. 357.
- 46 А. Турен, *Возвращение человека действующего...* с.105.
- 47 Г. Блумер, *Коллективное поведение.* Документ Сети Интернет: http://www.i-u.ru/biblio/archive/blumer_teorii/ Доступно на 22 апреля 2010.
- 48 А. Джагоз, *Введение в квир-теорию* (Москва: Канон +, 2008), с. 87.
- 49 П. Штомпка, *Социология социальных изменений...* с. 357.
- 50 Д. Батлер, «От пародии к политике», *Современная философия*, №1, 1995, (Харьков: ХЦГИ), с. 148.
- 51 См.: А. Джагоз, *Введение в квир-теорию*, главу «Дискуссии о квир», с. 145-182.